

Деметра Фрост

В ОБЪЯТЯХ СУМРАКА

УДК 7.04
ББК 85
Ф92

Фрост Д.
Ф92 В объятьях Сумрака / Деметра Фрост – М.: Литнет, 2026. – 334 с.

ISBN 978-5-521-98462-6

Я уже давно привыкла, что по своей неуклюжести и нерасторопности постоянно попадаю во всевозможные неприятные ситуации... Это нормально. Кстати, и характер закаляет. Вот только с грозой нашей академии, мастером алхимии, не проканают несчастные глазки и скромное "простите". Из-за случайного косяка мне придется пройти все семь кругов Ада. И всё бы ничего, правда... Я не белоручка. Надо - и кабинет отмою, и реторты, и даже подготовлю материалы к очередной лекции... Но что делать, если каким-то самым невероятным образом этому суровому и, казалось, непробиваемому чурбану приходит идея использовать меня... кхм... немного по-другому? Кошмар! И пожаловаться некому! Да и... стыдно как-то... А потом - и самой приятно... Тут уж я и сама не откажусь от такой своеобразной отработки.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98462-6

© Литнет, 2026
© Д. Фрост, 2026

0

Мрак скрадывает помещение библиотеки загадочностью и томной сонливостью. Два светильника, оставляемые на ночь, едва-едва выхватывают близ стоящую мебель – высокие стеллажи да кресло, но от этого становится только более жутко и непонятно. Плотные шторы задернуты – нет дополнительного источника света ни от луны, ни от уличных фонарей. А скрип половиц под каждым шагом напоминает стон несчастного раненого животного.

Воздух густой и терпкий, будто в нем растворена сама магия. Через него даже идти тяжело.

Или это из-за чувств, невольно охватывающих сердце?

Из-за чудовищного предвкушения, совсем недавно казавшегося чем-то из ряда вон выходящим и нереальным?

Из-за сладкой неги, которая окутывает голову едва ощутимой вуалью, но не делающей ситуацию более ясной и логичной?

Я не хотела идти сюда... Или хотела?

В какой момент своеобразное наказание превратилось в что-то желаемое и даже долгожданное?

Каждая минута до встречи полна мыслями о нём... О его тепле и аромате тела... О глазах, мерцающих загадочным черным блеском... О руках, что могли быть и грубыми и нежными одновременно...

Разумеется, я прекрасно понимаю, что всё это – неправильно.

Неправильно настолько, что, узнай об этом мачеха, меня мгновенно заберут домой, а его...

Даже представить страшно, что могут сделать с ним! А я не хочу! Не хочу его наказания! Не хочу ни увольнения, ни порицания!

В какой-то миг я поняла... Оказывается, меня все устраивает!

То, что в самом начале наших с мастером странных отношений казалось постыдным, запретным и даже отдавало каким-то извращением

щением, в итоге превратилось во что-то, стыдно признаться, очень приятное и привлекательное.

И желать наказания для того, кто дарит тебе наслаждение... Разве не странно?

Нет-нет-нет, я определенно не хочу ничего прекращать! Пускай приходится скрываться, порой врать в глаза и пробираться тайком по ночам, трусливо оглядываясь, пусть я чувствую из-за этого страшный дискомфорт и смущение, я буду пользоваться расположением мастера, пока это возможно. И никому ничего не расскажу. Никогда.

1

Трудно обнаружить присутствие человека в полной тьме комнате, пока он хотя бы немного не пошевелиться. И хотя я уже давно выучила здесь всё – и расположение столов и кресел, и расстояние между стеллажами, я все равно иду аккуратно, медленно и настороженно, выставив вперед руки. Можно, конечно, зажечь небольшой светильчик, чтобы хоть немного сделать свой путь ясным. Но я боюсь. Я вообще страшная трусишка. Боюсь всего и всегда.

И мастера, кстати, я тоже боюсь. Он преподаватель строгий и чересчур требовательный. И глаза, кажется, такие злющие, что могут воспламенить, если немного дольше, чем обычно, задержится своим взглядом. Говорит зло и презрительно, будто втоптывает, и всегда найдет, к чему придраться. И наедине практически не изменяет своей манере общения. Что, конечно, очень настораживает и пугает.

И когда мастер слегка поворачивается и делает шаг в сторону, я едва сдерживаю свой панический визг. Но все равно подпрыгиваю на месте и задеваю локтем штангу торшера. Она опасно кренится, но я успеваю ее перехватить и выровнять.

– Как всегда, неуклюжа, – недовольно ворчит мастер. Легкое движение ладонью и торшер зажигается, ослепляя, – Неужели так сложно было включить свет?

Вместе с торшером зажигается еще несколько светильников, рассеивая не только темноту, но и гнетущую обстановку. Я жадно выхватываю высокую фигуру мастера на фоне темных штор. Она почти сливается с ней из-за такой же темной одежды. И хотя сейчас на нем нет его преподавательской мантии, в черных брюках и рубашке он по-прежнему кажется жутковатым вороном-гигантом. Только лицо и ладони ярко контрастируют своей белизной с черными шторами и одеждой.

У мастера и правда очень бледная кожа. Лицо, с правильными

ми чертами и линиями, вполне можно назвать привлекательным, если бы не жесткая складка губ и чересчур выступающие скулы. Да и высокий лоб с зачесанными назад длинными волосами только удлиняют форму головы и делают лицо более хищным и пугающим. И вытянутые к уголкам глубоко посаженные глаза с черными радужками-омутами только добавляют этого впечатления.

– Извините, мастер, – пищу я испуганно, – Я случайно.

– Да отцепись ты уже от светильника, – зло шипит мужчина, поморщившись, – И иди сюда.

Он раздражен, мой мастер. Вкупе с его обычным, далеко не миролюбивым настроением это не очень удачный момент для нашего... кх-м... общения. Но кто я такая, чтобы спорить?

Провинившаяся студентка, которая по глупости своей попала в самую что ни на есть паучью ловушку и не сумевшая с достоинством и находчивостью найти из нее выход. А просто смирившаяся со своей участью. Надо сказать, довольно приятной участью.

Я подхожу. Неторопливо и аккуратно, потому что коленки слегка дрожат. Не знаю, что меня ждет. Точнее говоря, очень даже не знаю, но вот как?

Мастер может быть грубым. Но может быть и довольно нежным. Даже заботливым. За маской презрительного равнодушия скрывался весьма острый ум и невероятная прозорливость и внимание даже к мельчайшим деталям и намеком.

Зря, что ли, даже несмотря на всю суровость и серьезность нашего преподавателя, среди студенток находились те, кто считал эти черты характера и внешности привлекательными и даже возбуждающими? Зря, что ли, по ночам, в темноте общих спален или в каком-нибудь укромном уголке несколько молодых девушек могли собраться в узкий кружок и тихонько, с придыханием обсуждать мастера как мужчину, а не как взыскательного и требовательного учителя? Высказывать предположения, мечтать, представлять...

Каждому – свое...

Но случилось так, что я-то как раз о таком никогда не думала. Но столкнулась воочию. И столкнулась, и увидела, и потрогала... Ну и так далее по списку.

Подхожу. Встаю рядом, покорная и послушная его воле. Немного знобит, ведь в библиотеке довольно прохладно. А на мне – тонкий спортивный костюм и тапочки. И волосы убраны в небрежный хвост. И ни грамма косметики на лице. Будто вышла на минутку в туалет.

– Замерзла? – неожиданно интересуется мастер, проводя узкой и длинной ладонью с тонкими и изящными пальцами по моему плечу, что вызывает очередную порцию дополнительной дрожи.

Мне кажется, или я и правда слышу в низком, слегка хрипловатом голосе мастера участливые нотки?

Теплая волна сверху вниз оmyвает меня через тонкую ткань. Я благодарно мужчине за магию, которую он так заботливо тратит на меня в этот момент. Хотя и сама бы справилась при желании. Но его внимание льстит и подкупает. Хочется купаться в этом скупом проявлении элементарной учтивости, как в прогретом летним солнцем озере. И поэтому я нежусь и даже шурюсь, словно довольная кошка. Разве что не мурлычу.

Постепенно страх отступает. Так всегда происходит. Страх пронзает сердце лишь по началу. Позже, оказавшись в ситуации «один на один в клетке со зверем», приходит чувство смирения и обреченности, которая успокаивает страх и заставляет выйти вон за дверь. Я даже первой подаюсь вперед, прижимаясь с худощавому мужскому телу.

Мастер гораздо выше меня. Я едва достаю макушкой ему до ключиц. От его рубашки пахнет пеплом и травами. Раньше меня этот аромат раздражал, ассоциируясь с тяжелыми и выматывающим занятиям алхимии, которые вел в нашей группе мастер. Сейчас же он мне очень нравится. Видимо, из-за того, что приятных ассоциаций стало куда больше неприятных.

Я слышу, как мастер хмыкает. И без какого-либо замешательства обхватывает руками мой торс, безжалостно сминая и ощупывая кожу через ткань одежды. Будто в первый раз.

В прелюдии он так же резок и порывист, как и в обыденной жизни. Так же, как он ходит – быстрой и летящей походкой, он задирает вельветовую курточку и футболку. Холодные пальцы, коснувшись обнаженной кожи, обжигают и покрывают ее мурашками. Я снова вздрагиваю, но остаюсь на месте. Робко кладу уже собственные ладони на поясницу мастера, цепляюсь за ткань его рубашки.

Вообще мужчина всегда поощрял мои действия. Не любил был единственным действующим лицом в наших с ним играх. Но я по-прежнему стесняюсь проявлять инициативу. До сих пор чувствую себя неопытным и глупым кроликом, который все туже и туже сжимает в своих кольцах удав.

Когда мастеру становится скучно трогать меня под задранной одеждой, он убирает руки, но только для того, чтобы быстро и ловко стянуть друг за другом каждую часть моего незамысловатого костюма. Сначала куртку. За ней – футболку и штаны. При этом мужчина то и дело касается ласкающими движения самых разных участков моего тела. Ключиц и локтей. Груды и живота. Проводит пальцами по бедрами и тут же больно сжимает кожу, оставляя следы. Если бы не целебная магия, мое тело вообще полностью покрывали бы синяки – слишком уж нежной и тонкой была моя кожа, а пальцы мастера цепкими и сильными.

Белье мужчина снимает еще быстрее. Раньше я еще порывалась прикрыться ладонями. Потом привыкла. Смирилась. Но все равно краснела, оказываясь перед ним полностью обнаженной. Еще и при свете. еще и в таком месте, как библиотека.

Мастер поворачивает меня к себе спиной. Прижимает, сжимает в ладонях занывшую грудь с торчащими сосками. Наклоняется и вонзается зубами в шею, которую я тут же инстинктивно изгибаю для удобства. И лучшего доступа.

Мне нравится этот полупоцелуй-полуукус. Он немного болезненный, острый и очень возбуждающий. И пальцы, сжимающие полушария груди, тоже. Теплые волны одна за одной пробегают по моему телу сверху вниз, скручиваются внизу живота и несильными уколами толкаются в особо чувствительных местах.

Потом мастер скользит одной ладонью по животу. Большим пальцем задевает пупок. Улыбается мне в шею и снова хмыкает, ловя губами дрожь. Я закусываю губу, сдерживая стон, и машинально накрывая своими пальцами ладонь мужчины, которая скользит еще ниже. По лобку прямо к половым губам.

Слегка подаюсь назад, выгибая поясницу, и от удовольствия прикрывая глаза. Прохладный мужской палец пробирается в щелочку и касается клитора – аккуратно и игриво, без грубости и напора. Чувствую свою влажность. слышу тяжелое дыхание – и свое, и мужчины. Я чувствую его напряженный член в брюках, и возбуждение становится еще сильнее. Или же это от уверенных и умелых касаний между моих бедер?

Я откидываю голову назад, задирая подбородок. Подставляю губы. Хочу поцелуя.

Мастер не любит целоваться, я знаю. Делает это редко и быстро, без особого удовольствия.

Но я получаю свой поцелуй и очень благодарна за него. Распахиваю податливо губы под крепким и сильным давлением мужского рта, впуская упругий язык и все-таки слабо вхлипываю от сладкой истомы такой силы, что подкашиваются ноги.

Но руки мастера держат меня крепко. Прижимают к себе и продолжают ласкать – немного болезненно, но все же очень возбуждающе. Настолько возбуждающе, что я едва держу себя в руках. Еще чуть-чуть, и я начну проявлять злосчастную инициативу!

Но, как обычно, мастер меня опережает. Подталкивает к кушетке, на которой предусмотрительно расстелен плед, укладывает животом вниз.

И начинает сладко пытаться.

Сначала незамысловато. Распускает волосы и наматывает на пальцы. Но лишь для того, что коснуться ртом затылка. Пощекотать языком и прикусить чувствительную кожу. Скользнуть губами чуть-чуть ниже. Поцеловать плечи и лопатки. Провести дорожку по позвонкам к самой пояснице.

Наверное, когда я при этом машинально оттопыриваю свою задницу, это выглядит ужасно пошло и бесстыдно.

Но мне плевать.

От каждого движения и прикосновения мужчины я таю. От его близости горю и всхлипываю. Между бедер уже очень мокро и неудобно. Хочется перевернуться на спину и, распахнув ноги, обхватить ими и руками своего мастера и притянуть к себе, чтобы получить долгожданное единение.

Черт... Он же до сих пор одет...

Мужчина отпускает мои волосы. Но лишь для того, чтобы накрыть ладонями ягодицы, несильно сжать и раздвинуть округлые половинки в сторону. Я ощущаю его дыхание на чувствительной коже там, внизу и снова содрогаюсь. С головы до ног. Поджимая пальчики и невольно елозя на месте.

Вот теперь мне хочется его прикосновений очень сильно. До зубовного скрежета. До мурашек. До нервного всхлипывания. Еще чуть-чуть – и я попрошу, наплевав на гордость и стыд. Хотя... Они и так давно уже сгинули. Им просто не места там, где уже давно поселились смирение и покорность воле более сильного и властного существа.

Не просто мастера алхимии. А мужчины. Того, кто четко знает, чего он хочет и который всегда получает желаемое.

Его руки скользят ниже, обходя жаждущую внимания плоть. Ласкают бедра, тонкую кожу под коленками и икры. Несильно щипают, щекочат и гладят, вызывая очередные мурашки.

Потом отпускают.